

20 ОКТ 1974

НАРОДНЫЙ АРТИСТ
СССР
ЮРИЯ НИКУЛИНПечатается
с продолжением

В шесть утра на следующий день сел в газик и поехал в Мамонтово за 80 километров от Москвы.

Приехал и ждал начала съемки. Но с утра зарядил дождь, и все смотрели на небо, надеясь, что оно прояснится. Дождь шел весь день, и мы ничего не сняли. И во второй день лил дождь. И мы простаивали. И на третий день камера не работала.

После Англии я практически не был дома и тосковал по домашним. В работе было бы легче забыться, но дождь смешал все планы. Я обратился к директору группы с просьбой, чтобы разрешили Тане и Максиму приехать и жить вместе со мной. Согласие мне дали.

Как только мои родные появились в деревне, сразу вышло солнце, и мы начали снимать. А Лев Кулиджанов заметил:

— Давно бы тебе нужно было вызвать жену, она наверняка приносит счастье. (К этому времени мы с Кулиджановым перешли на ты).

С ним мы были почти ровесники. Я на три года его старше. В выходные дни мы часто собирались вместе: пили чай из самовара, пели песни, ходили за грибами. Однажды он меня вместе с Таней представил своей жене.

Прихожу к нему домой, в избу, где он жил в Мамонтове, и вижу Наташу Фокину.

— Моя жена, познакомьтесь, — сказал Кулиджанов. Я прямо ахнул, Наташа Фокина, с которой я учился в студии у Константина Воинова.

Удивительное совпадение в жизни. Как говорится, тесен мир.

Общее впечатление от съемок в Мамонтове — приятное. Во-первых, радовала творческая атмосфера в группе, во-вторых, чувствовалось, что все хотят, чтобы фильм получился как можно лучше. Люди горели, отдавая все силы работе. Все любили Л. Кулиджанова, относились к нему хорошо, стараясь как можно лучше выполнить его просьбы, требования, указания.

К каждому сотруднику группы и актеру Кулиджанов подходил по-разному, учитывая его психологию, темперамент, характер, привычки.

Одним из самых верных помощников Кулиджанова был второй режиссер Магитон. Низкорослый, живой, с большим чувством юмора, он был своеобразным мотором группы. Работы у него много, все время приходилось крутиться. Но он отлично справлялся со своими обязанностями.

Он отвечал за второй план в фильме. Действуют герои картины на первом плане, а на втором люди ходят, массовка, машины едут, словом, жизнь идет. Вот эту жизнь и организует второй режиссер.

Иногда Магитон подсказывал маленькие точные детали, которые вошли в картину. Одна из них мне запомнилась. На кухне коммунальной квартиры, где живет Кузьма, соседи обсуждают его судьбу. Одна пожилая женщина в майке поворачивается с ложкой, видно, что-то пробовала в кастриоле, а на майке восьмерка написана. Видимо, взяла эту майку у своего внука... Принимали этот кадр всегда отлично.

Снимали эпизод на пароме — один из узловых в фильме. Кузьма Иорданов продолжает выпивать, обманывает дочку. И его ругает за тунеядство председатель колхоза. Роль эту играл удивительный артист и пора-

зительный человек Василий Шукшин. Кузьма спорит с ним. Наташа защищает своего отца. Она плачет, кричит: «Это мой папа, он хороший, я его люблю».

Здесь Кузьма впервые начинает понимать, что Наташа его по-настоящему любит. Он чувствует, что он ей нужен, и впервые особенно остро ощутил свою подлость. Подлость оттого, что он назвался ее отцом. Обманул Наташу.

Эпизод снимали синхронно — крупный план Инны Гулая. Я ей подыгрывал, подавая за кадром реплики. Она стояла на пароме, заставленном машинами, телегами, скотом. Инна долго стояла молча, как бы собираясь, и потом тихо-тихо говорила:

— Можно снимать.

Начинали съемку. Инна плакала по-настоящему. Когда слезы потекли по ее лицу, она стала кричать перед седателю колхоза:

— Да что вы выдумываете? Ничего он не обижает меня. Что вы к нему придираетесь? Не обижайте моего отца. Я люблю его. Он хороший.

...Это она так сказала, что я совершенно забыл свои слова. Забыл, что это съемки.

Прошла сцена. На пять минут воцарилось молчание в группе. Потом Кулиджанов сказал:

— Давайте подождем еще, когда вы отдохнете, скажете. Снимем еще дубль.

Инна стояла молча, смотря на всех отсутствующим взглядом, а потом, кивнув головой, сказала:

— Можно снимать.

И все началось снова. Она плакала. Я внимательно смотрел в ее глаза, и у меня тоже чуть не потекли слезы. Инна заражала своей игрой. Просто не верилось, что перед тобой актриса.

Когда сцена подходила к концу, второй режиссер вдруг крикнул:

— Стойте, подождите.

— Что случилось? — сердито спросил оператор.

— Гусь, гусь на третьем плане не вылез из корзины, — возмущался Магитон. — Я же сказал, чтобы гусь вылезал из корзины. В чем дело?

Первый раз в жизни я увидел Кулиджанова в ярости. Он кричал:

— На хрена мне этот гусь нужен!..

Пришлось еще снимать дубль, и снова Инна Гулая была удивительной. Никакой гусь, никакие крики не сбили ее, не вывели из состояния, хотя, конечно, играть стало сложнее.

Заслуга Инны Гулай в картине «Когда деревья были большими» огромная. С ней удивительно легко работало. Она отличалась от многих актрис, с которыми мне приходилось встречаться. Как правило, актрисы озабочены тем, как они получатся на экране.

Инна Гулая об этом не думала. Ей было все равно — красивым или некрасивым выйдет у нее лицо на экране. Ее заботила лишь правда состояния. Она просто жила своей ролью.

Одна из первых сцен фильма. Перрон станции. Вот-вот должен подойти поезд, на котором Кузьма приезжает в деревню. В конце платформы стоит Наташа — Инна Гулая и смотрит на идущего Кузьму. И у нее то ли от волнения, то ли еще по какой причине вдруг странно начинают кривиться ноги. Она косолапая бежит по перрону навстречу отцу. В этой походке чувствовалось какое-то скрытое стремление, нерешительность, волнение и радость — все одновременно.

Инна Гулая побежала так, как побежала бы деревенская девчонка. Другая актриса постаралась бы пробежать красиво. Инна шла так, как ей было удобнее по состоянию, и всем становилось ясно, о чем думает, чем обеспокоена ее Наташа.